Канарейка

Автор:
Леонид Алексеев

Канарейка

Леонид Алексеев

1995 год. Неизвестные лица заставляют пожилого рабочего секретного предприятия оборонной промышленности сотрудничать с ними, угрожая расправой над членами его семьи.Содержит нецензурную брань.

Дмитрий Игнатьевич

В переходе под железнодорожными путями станции «Ручьи» Дмитрия Игнатьевича обогнали два парня в «типовых» чёрных кожаных куртках и мешковатых брюках. Лица их прятались в тени длинных козырьков бейсбольных кепок. Под свободной одеждой угадывались атлетичные фигуры. На улице парни вновь появились – буквально выросли из-под земли – и стали городить полную несуразицу:

– Сколько косточек в виноградине? – обратился один из них к Дмитрию Игнатьевичу.

–Чего? – опешил тот.

– Если кишмиш, то косточек вообще нет, – назидательно сказал второй.

Парни расступились и Дмитрий Игнатьевич оказался перед задними дверями «Фольксвагена-Транспортера», подъехавшего во время содержательной беседы о ботанике. Через мгновенье двери распахнулись и парни в бейсболках

втолкнули Дмитрия Игнатьевича внутрь фургона, где его подхватили два других крепких молодца, свиду один в один похожих на первых, только в черных балаклавах на головах. Они уверенно, отработанными движениями, поставили Дмитрия Игнатьевича на колени, прижав к невысокой металлической перегородке за передними сиденьями, отделявшей грузовой отсек от пассажирского. Перегородка давила на грудь и дыхание сбивалось. В тесном пространстве кузова пахло кожей, соляркой и духами. Водитель и девушка-пассажир тоже прятали лица под масками. Девушка нажала кнопку видеомагнитофона, закрепленного под бардачком, и на массивной консоли, засветился экран. На размытом изображении Дмитрий Игнатьевич различил внучку на детской площадке и с правой стороны экрана уголок газеты с буквами «РОС» и датой «Вторник, 28 марта 1995 г.» Девушка ткнула другую кнопку. Картинка на экране моргнула, и показался плотный, высокий мужчина, выходящий из парадного. Мужчина сел в красный «Джип Чероки». Машина тронулась. Промелькнули ещё несколько кадров, мужчина подошел к забору, из-за которого виднелись производственные сооружения, и скрылся за воротами. Детали на записи расплывались, но Дмитрий Игнатьевич узнал девятиэтажку в Нижнем Новгороде, где жила его младшая дочь с семьей, и понял, что ему показывают поездку зятя Михаила на молокозавод, который тот строил последние полгода и собирался вот-вот запустить. Справа также маячила газета, только дата изменилась на тридцать первое марта. Девушка снова тронула видеомагнитофон, и экран погас.

– Дядя Дима, у Вас на заводе есть фирма «Гемтрест». Узнайте, пожалуйста, зачем им столько металлолома, – девушка говорила монотонно, выговаривала не все буквы и тянула слюни – за зубами она перекатывала какой-то небольшой предмет, из-за чего голос и дикция искажались.

– Какой еще трест?! – Дмитрий Игнатьевич тщетно попытался закричать. – Что вам надо от моих детей?! Вы кто? Да…

Сзади его толкнули в затылок.

– Дядя Дима, не волнуйтесь так. Просто узнайте. И ничего никому не говорите. И к ментам ходить нет смысла: нас вы не знаете, а стукнете про «Гемтрест» – они откупятся, а Вас закопают. Со всей семьёй. И вообще, мы за Вами следим. Телефон слушаем. Поэтому сделайте, как просят, и всё будет чики-пуки. И у Кристины и у Лиды тоже.

– Что за бред! Отпустите! При чём здесь мои дочери? – Дмитрий Игнатьевич, немного придя в себя, попытался вырваться, но в спину тут же уперлось мощное колено. Перегородка впилась в грудь. Дмитрий Игнатьевич зажмурился от боли и почувствовал, как сдавило сердце, и на лбу выступил холодный пот. «Чёрт! Это что, со мной происходит? Только не паниковать!» – подумал он и немного расслабился. Его истязатели тоже ослабили хватку.

– Дядя Дима, успокойтесь! Мы Вас сейчас отпустим. Идите домой. А мы Вас потом найдем, когда будет надо.

– Как найдете? – Дмитрий Игнатьевич почувствовал слабость во всем теле. – Опять схватите и швырнете в фургон?

– Дядя Дима, вы не брыкайтесь, всё будет взаимно нежно и обоюдно ласково, как говорит… Блин! – девушка спохватилась и неожиданно строго добавила, вскинув руку: – Всё, отпускайте его!

Дверцы фургона открылись и с улицы Дмитрия Игнатьевича приняли два уже знакомых ему здоровяка. Дверцы захлопнулись, и фургон покатил, будто просто проезжал мимо.

– Послушайте! – Дмитрий Игнатьевич огляделся по сторонам, но парни исчезли. «Номера!» – сообразил он. Но фургон уже свернул, огибая лысый скверик напротив здания станции.

Дмитрий Игнатьевич приезжал сюда каждый день вот уже, с небольшим перерывом, больше тридцати лет. Завод, где он работал, чего только не выпускал для оборонки за годы своего существования. Но за десять лет перестройки в строю остались только два цеха – литейка и механосборочный. Оставшаяся продукция по—прежнему считалась секретной, но как секретность соблюдалась в царившей на территории завода неразберихе, Дмитрий Игнатьевич не мог понять. Почти все заводские строения сдавались в аренду. Часть цехов под вьетнамский рынок с общежитием. Часть – под автосервисы и склады. В других зданиях во всех углах копошились разные новообращенные купцы, дельцы и их подпевалы. И хотя два еще живых цеха охранялись по-прежнему особенно тщательно, и они были частично арендованы ювелирной конторой «Гемтрест». Работа с золотом и другими драгоценностями требовала особой охраны и необъяснимыми кривдами «Гемтрест» проник в режимную зону.

Он занял часть литейного цеха, установив там муфельные печи, и оттяпал часть механосборочного, с выходом как раз к литейке. Проходную расширили и даже сделали в ней ремонт. Установили новые турникеты в попытке разделить людской поток на идущих по спецпропускам и на остальных, снующих туда-сюда по разовым бумажкам. Но для знающего человека ничего не стоило просочиться в любой закуток этого муравейника. Дмитрий Игнатьевич остался на заводе единственным сварщиком и работал в механосборочном сразу на трех сварочных постах. В начале девяностых он уходил на несколько месяцев в коммерческую строительную фирму, но там все кончилось некрасивой историей и Дмитрий Игнатьевич вернулся на завод. Благодаря квалификации, его взяли обратно, даже несмотря на предпенсионный возраст и сокращения, которые уже шли полным ходом.

Страх уже меньше давил на сердце, но теперь Дмитрия Игнатьевича бросило в жар. Ноющие суставы и мышцы напоминали о пережитом унижении. В голове неслась карусель вопросов: «Почему Зоя одна гуляла? Почему на видео не было Стины? Что это за люди? Во что вляпался Мишка? Что делать?» Перед глазами то и дело возникала внучка, как он её видел в фургоне: с ведёрком и пупсом. Вернуться к действительности его заставил визгливый клаксон автобуса. Оказалось, Дмитрий Игнатьевич, сам того не помня, добрел до остановки и стоял на проезжей части. В автобусе он забился в угол за поручнями на задней площадке, где толкотня пассажиров не мешала ему обдумывать случившееся. «Металлолом они ж только на прошлой неделе начали возить, – размышлял Дмитрий Игнатьевич, потирая бровь, – с понедельника меня припахали резать им этот лом. Они сами же купили под это дело два зила баллонов с кислородом. И начцеха обмолвился о долгосрочном договоре с ними. За копейки, но всё ж работа. А ведь и правда, на кой ляд им этот лом, когда у них ювелирное производство? Да, попахивает тухлым. Ох, бардак!» Поглощенный раздумьями, Дмитрий Игнатьевич не заметил, как вышел из автобуса и спустился в метро. В поезде, под гулкий перестук колес, на него снова навалился страх, и он почувствовал, как зародившаяся паника вот-вот прорвется наружу. Видимо со стороны он выглядел странно, потому что, когда в очередной раз Дмитрий Игнатьевич схватился за поручень, молодой человек, сидевший рядом, уступил ему место. Дмитрий Игнатьевич поблагодарил и с устало плюхнулся на продавленный диван. Сколько он не тасовал варианты, напрашивалось только одно решение: несмотря на запугивания, идти в милицию. «Если отделение, как и прежде, на соседней улице, – планировал Дмитрий Игнатьевич, – проскочу дворами, авось не заметят». Ободренный найденным решением, он немного успокоился, задремал и чуть не проехал свою «Чернышевскую». На улице ему казалось, что каждый прохожий работает на бандитов, что из каждой машины за

ним следят. И хотя он уверенно направился в отделение, душу не покидало смятение. Кто-то хлопнул его по плечу. Дмитрий Игнатьевич вздрогнул и испугано обернулся. Это был его сосед по дому по прозвищу «Джинтоник», парень неопределенного возраста, худощавый с грязной челкой и сломанным передним зубом:

– Гнатич, привет, гуляешь?

– Фуф, Коля! – Дмитрий Игнатьевич облегчённо выдохнул. – Кстати, слушай, наше отделение по-прежнему на Чайковского, не знаешь?

– Да, тут, – Джинтоник неопределенно махнул рукой, он, как всегда, радовался встрече с соседом. – Слушай, зашибись, у нас с пацанами ваще жир! Мы в гаражах сервис открыли. Вот. И Гоша со стекляшки на параллельной линии тоже. Вот. Их на второй день кубаринские под крышу взяли. Прикинь, а мне корешман один шепнул, что наши менты тоже крышуют. Вот. Я участковому подмигнул. Он сказал, говно вопрос. Вот. И, прикинь, короче, они кубаринских шуганули, я даже не при делах был, а Гошин сарай ваще закрыли.

– Крышуют? – переспросил Дмитрий Игнатьевич, растеряно глядя на Николая. Того самого, которого они с женой в своё время спасли от колонии. История простая: Коля рос без отца, мать на работах целыми днями, вот и связался с компанией. Худенький был, недокормленный. Компания сдала его ворам. А те парня научили в форточки залезать и двери им открывать. Когда хватились, малому уже реальный срок улыбался. Хорошо Зоя Андреевна – жена Дмитрия Игнатьевича – со своей бригадой крановщиц с Балтийского завода взяли его на поруки. После он даже учиться пошёл. Но из армии всё одно малахольный вернулся.

Стало понятно, что в милицию идти нельзя. Он наскоро попрощался с Джинтоником и пошёл домой.

Дверь открыла Лидия – старшая дочь Дмитрия Игнатьевича – и почти по-военному отрапортовала:

– У меня ученик. Скоро заканчиваем. Вот, за ним уже пришла мама. – Слово «мама» далось ей с заметным усилием.

В холле на длинной банкетке сидела женщина в кроссовках и дубленке, накинутой поверх джинсового комбинезона. Несколько кудряшек из копны завитых волос падали на неровно загоревшее лицо без косметики. На коленях у нее лежал раскрытый журнал «За рулём». Дмитрий Игнатьевич почувствовал еле уловимый запах то ли бензина, то ли машинного масла и воспоминание о злосчастном фургоне заставили сердце вновь сжаться от осознания собственного бессилия.

– Зинаида, – представилась женщина. – В ее улыбке и позе читалось лёгкое смущение.

– Угу, – Дмитрию Игнатьевичу было не до новых знакомств.

– Это мой отец. Дмитрий Игнатьевич, – отчеканила Лида.

Дмитрий Игнатьевич снял куртку и поспешил уединиться в своей комнате. Ему хотелось принять душ, но он боялся, что если разденется, станет совсем беззащитным. Закрыв дверь, он сел на диван и закрыл глаза ладонью. «Вот же хрень! Менты крышуют Джинтоника, – варилось у него в голове. – Кого еще они крышуют? Может, к кубаринским? Они уж точно полгорода крышуют, не меньше. Так это они и могли меня… Одни крышуют, другие под крышей. Один я голой жопой на ёлке. Надо Мишке позвонить». Хлопнула входная дверь – ушел Лидин ученик. Дмитрий Игнатьевич выглянул в гостиную:

– Дуня, ты не знаешь, у Мишки был этот… телефон переносной… – обратился он к Лиде, стараясь выглядеть спокойным.

– Сотовый.

– У тебя номера нет, я имею в виду.

Лида полистала записную книжку и, открыв её на нужной странице, отдала Дмитрию Игнатьевичу. Он переписал телефон на клочок бумаги и на следующий день с утра, благо была суббота, поехал в гаражи к Джинтонику.

Около четырех кирпичных боксов, называемых теперь «сервисом», крутилась разновеликая шпана под стать Джинтонику. Сам Николай, на фоне

гипнотического блеска черного «Лэнд Крузера», разговаривал с солидным мужчиной в кожаном пальто и начищенных ботинках.

– Гнатич, эт ты шоль? – не скрывая радости, удивился Джинтоник. Он попрощался с собеседником и подошел к Дмитрию Игнатьевичу.

– Здорово! Слушай, Колян, у тебя же есть эта… Как её… Труба?

– Ну, есть, да, – Джинтоник насторожился. – Сотовый. А те на кой?

– Звякнуть надо… одному.

– О, Гнатич, а ты газом варишь? – оживился Джинтоник и полубоком пошел в сторону «Лэнд Крузера».

– Коля, дай позвонить! – твердо сказал Дмитрий Игнатьевич, не сходя с места.

– Да позвонишь! Иди, глянь!

– Джинтоник, ты с коня упал? Я на тойоте ничего варить не собираюсь!

– Да ты чё, – засмеялся Джинтоник, – это ж новый крузак. В боксе копейка, надо латку на дверь прикинуть.

Проходя мимо внедорожника, Дмитрий Игнатьевич благоговейно потрогал сверкающую краску и проворчал:

– Кто-то ж может себе такую машину позволить.

– Перец один из конторы, – донесся из гаража голос Джинтоника. – Это служебная. Хочет подшаманить пару моментов, так, без протокола.

Дмитрий Игнатьевич осмотрел дверь жигулёнка:

– Где горелка?

– Ща хлопцы подкатят и баллоны, и всю спецприблуду.

– Ты телефон дашь или нет, приблуда? – Дмитрий Игнатьевич гневно посмотрел на Джинтоника?

– Да на-на, Гнатич, не кипишуй! – Джинтоник достал телефон, зубами вытащил антеннку и, откинув крышку, протянул его Дмитрию Игнатьевичу.

Дмитрий Игнатьевич несколько раз ошибся с набором номера и вышел из себя:

– Коля, иди, помоги набрать! Как эта херня работает?!

Джинтоник взял трубу, повернул руку Дмитрия Игнатьевича, чтобы видеть цифры на бумажке и быстро набрал номер:

– Держи, дядя Дима.

– Не понял?! – Дмитрия Игнатьевича как водой окатило от воспоминания о девушке в фургоне, – Что ещё за…

В телефоне послышался голос.

– Алло, алло, Миша? – закричал было Дмитрий Игнатьевич, но осекся и, прикрыв микрофон ладонью, отошел в сторону. – Миша, это папа, ты слышишь?

– Да-да, Дмитрий Игнатьевич! Привет!

– Как у тебя дела? – Дмитрий Игнатьевич понял, что не знает с чего лучше начать.

– Папа, вы мне звоните на трубу, чтобы спросить как дела?

– Да… Нет… Ай, к чёрту! Слушай, у тебя что, неприятности?

– А у кого их сейчас нет? – вздохнул Михаил.

– Миша, слушай, какие-то бандиты угрожают, что расправятся с вами. И с Зоей, и с Кристиной, и с тобой. Я не знаю ни кто это, ни в чем вообще дело и не знаю что предпринять. Они показали мне запись на видео. Зою и тебя. Они следят за вами. Ты слышишь меня?

– Слышу, – Михаил секунду помолчал и продолжил потухшим голосом: – Значит, они и за Вас взялись. Сволочи!

– Они хотят, чтобы я узнал, – Дмитрий Игнатьевич перешел на шепот, – про одну контору на нашем заводе…

– Так, папа, не надо по телефону, – Михаил подул в трубку. – Пока делайте, как они просят, а я постараюсь с ними побыстрее утрясти. Если что, держите меня в курсе. Лады?

– Ладно. А девчонки где?

– Я их отправил в Чехию на месяц, – Михаил выдержал короткую паузу и выдохнул: – Но это ничего не гарантирует. Всё, папа, давайте, пока.

– Держись там, Миша. Пока!

Дмитрий Игнатьевич отдал телефон Джинтонику.

– Ну, ты, Гнатич, горазд шушукаться!

– Как ты сказал, Колян: «мужик из конторы, подшаманить без протокола»?

– Ага, из Большого дома, если тебе так понятнее. У него там…

– А чего ж ты в контору не пошел крышеваться? – перебил его Дмитрий Игнатьевич. – Они ж круче ментов или нет?

– Они и так нас всех крышуют, – гаденько захихикал Джинтоник. – Не, Гнатич, ты охренел? Хотя, – он задумался, ковыряя носком ботинка промасляные опилки на полу, – кто их там знает…

Дмитрий Игнатьевич нахмурился, потёр большим пальце бровь и вдруг повеселел:

– Так, значит, из конторы и без протокола! Ну, Джинтоник, где твоя копеечная дверка?

Дмитрий Игнатьевич, окрыленный родившейся идеей, работал всласть. И даже прожженная брючина и забытая в гараже кепка не испортили ему настроения. Но по дороге домой радость понемногу сгорела, а шаткое чувство уверенности постепенно сменилось сомнением. «А если ничего не выйдет? – обдумывал он детали, – Тянет на приличный срок. Сгноят в «Шпалерке» и Магадан не покажут».

Дмитрий Игнатьевич вспомнил, что Лида уехала с подругой на авторынок . Представив скучную тишину пустой квартиры, он купил полуторалитровую бутылку пива и зашел в «Мясное бистро». В недорогом и более-менее чистом заведении завсегдатаям негласно разрешалось приносить алкоголь, поэтому, со дня открытия, его облюбовали жильцы близлежащих домов. Вот и сейчас Дмитрий Игнатьевич разглядел среди пёстрых компаний, в углу у окна, Петровича – соседа по площадке, примерно одних с ним лет. Дмитрий Игнатьевич заказал две порции жареных колбасок «по-чешски» и чуть виновато попросил пустой стакан.

– Здравствуй, Валь! – Дмитрий Игнатьевич хлопнул Петровича по плечу и протиснулся на свободный пластмассовый стул.

Петрович кивнул, уминая очередную порцию люля-кебабов. На низком подоконнике рядом со столом в маленькой клетке с деревянным каркасом и тронутыми ржавчиной прутьями нервно прыгала растрепанная щуплая канарейка. Дмитрий Игнатьевич посмотрел на канарейку и кивнул на трафарет красной курицы на белом кирпичном простенке:

– С нее, что ли, писали?

– Да не, – хмыкнул Петрович и поднял кружку с тёмным пивом, – везу на Полюстровский, может, кто купит, а нет, так просто отдам. Давай, будем!

Они выпили и Петрович отправился покурить. Дмитрий Игнатьевич провел пальцем по прутьям клетки:

– А тебя кто крышует? Петрович?

Канарейка в ответ заметалась по клетке.

– Валентин, – задумчиво спросил Дмитрий Игнатьевич, когда тот вернулся, – а ты в блокаду где был?

– Нас с матерью в сорок втором эвакуировали в Новую Ладогу, осенью. Мы на Ваське жили, но дом разбомбили в первые же дни. Тётка нас приютила. А ты?

– Бабка рассказывала, что меня зачем-то летом – в сорок первом ещё – увезли в область. Не только меня, там много детей было. Потом нас вернули в город. А мамка так и пропала по дороге. До сих пор не знаю, что с ней случилось. А мы с бабкой здесь так и прожили. Голодали люто, конечно. Слава Богу, хоть дом наш не пострадал. Вообще, представляешь! Мне тогда четыре с половиной было. Я сам-то мало что помню…

– А мне шесть, – Петрович невесело улыбнулся.

– Помню, птица у меня была какая-то. – Дмитрий Игнатьевич не сводил глаз с канарейки. – Мать сказала, что с собой взять нельзя и выпустила её. Поэтому я только пустую клетку хорошо запомнил.

За разговорами и воспоминаниями прошло часа два. Изрядно выпивший Петрович хлопнул ладонью по столу:

– А, ладно, завтра на рынок поеду.

– Столько хватит? – Дмитрий Игнатьевич сунул ему пятитысячную, полученную от Джинтоника за работу.

– Ну-м… – Петрович растерянно пожал плечами.

– На, вот ещё три, – Дмитрий Игнатьевич взял клетку и направился к выходу.

Лида

Лидия Дмитриевна, здравствуйте! Я мама Дениса Кулаева из шестого класса.

Здравствуйте! У меня урок сейчас. Лида сразу поставила женщину в цейтнот. Как раз у них.

Всего минутку! Лидия Дмитриевна, я по поводу дополнительных занятий по математике.

Кулаеву не нужны дополнительные занятия, отрезала Лида.

Понимаете, он в начале года пропустил много. Болел. Вы, наверно, помните.

Возможно. Но он успевает в пределах программы. Кстати, в шестом сегодня родительское собрание. Я буду персонально про каждого говорить. Вы придёте?

Собрание, да? Приду, конечно! Я в рейсе была, Хоня мне не успел сказать, наверное.

Вы что, Дениса тоже так зовете? Лиде не удалось до конца скрыть возмущение.

Да это прозвище у него с детства, примирительно улыбаясь, объяснила женщина. Его так весь район зовет. В детстве шумный был ужас! Сладу с ним не было никакого. Вот его и прозвали «тихоня», а потом до «хони» сократилось. Само как-то…

Вы проводница? В рейсе были, говорите…

А, нет. Я шофёр. У меня грузовик, тягач.

У Вас? недоверчиво переспросила Лида.

Да, от мужа остался.

У Лиды появились ещё вопросы, но внезапно прозвенел звонок на урок.

Всё… Лида поняла, что не знает, как зовут родительницу. Простите, как к Вам обращаться?

Зинаида Юрьевна.

Да-да, увидимся на собрании.

Лида подошла к классной комнате. Настороженно копошившиеся в пустом коридоре ученики шестого класса притихли и выстроились рядом с дверью вдоль стены строем в колонну по два мальчик-девочка. Звякнув связкой ключей, Лида отперла дверь, и в коридор устремились беззаботные лучи весеннего солнца. Лида осмотрела застывших учеников и махнула рукой в сторону двери:

Заходим!

Дети засеменили внутрь класса. Лида вошла последней и закрыла дверь. Подойдя к своему столу, она бросила ключи и журнал и повернулась к классу. Дети стояли у парт, боясь шелохнуться.

Сели! скомандовала Лида.

Две девочки на второй парте испуганно пытались, как можно быстрее, закончить неожиданно вспыхнувший диалог, но не успели.

Расселись! Лида щелкнула пальцами.

Одна из девочек покорно поменялась местами с мальчиком, облюбовавшим заднюю парту. В застывшей тишине Лида пролистала журнал класса.

Еденин и Сахибулин, к доске!

Мальчики с обреченным видом подошли к доске и уткнулись в заранее написанные на ней примеры, пытаясь разложить выражения на множители. Минуты две они бессильного размазывали мел по зеленой грифельной краске. Презрительно оглядев их, Лида вновь обратилась к журналу. Она чувствовала, как дети следят за движением ее глаз, ожидая своей участи.

Адамянц, помоги Еденину.

Маленькая девочка с чёрными волосами встала у парты и, переминаясь с ноги на ногу, напряженно уставилась на доску.

Ясно. Устинков!

Пухлый мальчуган в очках присоединился к однокласснице. Лида назвала еще три фамилии, но решение примеров так и не сдвинулось.

Ну что, господа, столбы? Так и будем стоять и глазами хлопать? Совесть есть у вас или нет? Хотите так всю жизнь простоять за чужими спинами? Кто за вас работать будет? М-да, дурака учить что мертвого лечить. Кулаев!

А что Кулаев, Лидия Дмитриевна? Я сам на себя работать буду, недовольно высказался с предпоследней парты худой паренёк с нагловатым скуластым лицом.

Кулаев! металл в голосе Лиды убедил бы любого.

Ну, там разность квадратов надо… проскулил Хоня.

К доске! рявкнула Лида.

Хоня нехотя поплелся к доске и набросал первые действия решения примеров.

Ты бы так диктанты писал! прошипел Еденин отличник по русскому.

Ага, и через козла прыгал, фыркнул Сахибулин, не вылезавший в свободное время из футбольной секции.

Хоня посмотрел на Лиду и на его лице читалось: «Я проглотил муху!»

На место, голос Лиды исполнился разочарования. Столбы, сели! У доски, заканчиваем решение. Параграф четырнадцать: «Квадрат суммы и квадрат разности». Открыли, читаем.

Ученики зашелестели страницами учебников, обмениваясь ожившими взглядами, полными счастья: «Поздравляю! Дотянем до звонка!»

Родительскими собраниями Лида наслаждалась, как волк, впившийся в ещё живую плоть овцы. Родители, в независимости от социального положения, попав в здание школы, снова чувствовали себя учениками. Рефлекс, закрепленный в бытность их школьниками, помноженный на желание избавить свое чадо от проблем, заставлял их трепетать перед учителями. Классную шестого – «англичанку» – Лида презирала за мягкотелость и поэтому чувствовала полную власть над аудиторией притихших мам и пап. А уж те слушали «математичку», открыв рты.

Математика для Лиды не была ни языком точных наук, как для Лобачевского, ни поэзией, как для Вейерштрасса. Ей вообще не пришлось долго выбирать ни профессию, ни специализацию. Однажды, учась ещё в младших классах, младшая сестра Лиды – Кристина – пришла домой заплаканная и брезгливо продемонстрировала родителям дневник с жирной красной двойкой по математике. Отец равнодушно развернул свежий номер «Советского спорта» и сказал, что он, конечно, гордился бы детьми отличниками по математике, физике и химии, но эти предметы не для девочек. Из отцовской фразы Лида поняла одно: если она станет отличницей хотя бы по математике, то выиграет войну за отцовскую любовь. И Лида взялась за дело. Никаких скрытых талантов в себе она не обнаружила, но и беспросветная зубрёжка дала нужные результаты. Лишив себя всех детских, а потом и подростковых радостей, к старшей школе она стала уже круглой отличницей. И она посчитала, что вполне готова обучать и других тем методам познания, которыми овладела сама. Дело оставалось за малым окончить педагогический институт, куда она и поступила играючи.

Когда Лида закончила персональный анализ успеваемости, многие из родителей сидели красные и такие же остолбеневшие, как их дети на уроке алгебры. Поэтому, в ответ на вопрос Лиды, есть ли среди присутствующих папы «с руками», отцы стали наперебой предлагать различные варианты строительных

услуг.

Нет, ремонт класса за выходные делать не требуется. До летних каникул надо привести в порядок доску и сделать к ней дополнительные поворотные панели. Отремонтировать модель числовой прямой над доской и обновить плакаты. И надо купить кое-какое оборудование и литературу. Вот список. Со следующего года я детям говорила, но это, как вода в песок планирую участие в олимпиадах, сначала район, дальше, как пойдет.

После собрания к Лиде опять подошла мама Кулаева:

Лидия Дмитриевна, все-таки как насчет дополнительных занятий, а? Денис очень хочет участвовать в олимпиадах на следующий год. Он мне говорил! А вы, я слышала, частные…

Тише! оборвала Лида пламенную речь Зинаиды. Запишите номер моего телефона и звоните где-нибудь после восьми вечера.

Лида придерживалась твердого правила: учеников из своей школы не репетировать. Но несколько месяцев назад у неё появилась мечта автомобиль «Дэу-Тико». Ближе к лету учеников становилось меньше, а накопить оставалось всего-то ничего. Лида уже ездила по автомагазинам и на авторынок, что делало жажду приобретения машины нестерпимой. «Возьму Кулаева , нестрашно. Возни с ним немного: в математике он шарит. Дам несколько уроков, раз мамаша так настаивает», подумала она и, когда Зинаида позвонила ей в тот же вечер, оговорила с ней расписание занятий: вторник, пятница, с шести до восьми вечера.

Проведя в пятницу первый урок с Хоней, Лида в субботу, прихватив подругу и её мужа, в очередной раз поехала на авторынок. После они сходили в Эрмитаж на выставку «Шедевры музеев мира» и выпили пива в одной из бесчисленных забегаловок на Невском. Впервые за долгие годы Лида почувствовала, что живет предвкушением счастья.

Вечером, возвращаясь домой, она встретила у подъезда отца. Тот был навеселе и обнимал клетку с жёлтой птицей внутри.

Пап, это что? спросила Лида с надеждой, что ответ не испортит ей настроения.

Канарейка. Повесим в холле. Как раз между дверями на кухню и в гостиную. Мешать не будет. И солнце из кухни туда попадает. Пойдем домой, я покажу.

И кто за ней ходить будет? Лида поняла, что праздник на сегодня закончен.

Да чего там ходить, Дунь?! Зерна насыпал и водички плеснул.

Что и петь будет? Лида искала плюсы.

Нет, петь вряд ли. Да пусть так, что-то живое прыгает и ладно.

Мало тут живого прыгает?! хмыкнула Лида. Особенно, когда Стина приезжает, съязвила она, намекая на племянницу.

Когда младшая сестра вышла замуж и уехала жить к мужу в Нижний Новгород, Лида в тайне радовалась, что теперь ей будет доставаться больше отцовского внимания. С высоты педагогического образования она понимала всю нелепость своих детских комплексов, но, тем не менее, и в двадцать девять не могла избавиться от навязчивой потребности бороться за отцовскую любовь. И дело было не в сестре. В детстве им с Кристиной нечего было делить. И родители никогда их не делили, и ни одной из них не доставалось больше в ущерб другой. Но у Лиды родилось убеждение, что отец не может и не будет любить её просто так. Поэтому она старалась быть первой во всем, за что, по её мнению, родители любят детей. К сестре же у неё была только одна претензия: Лида принимала Кристинино внешнее бесстрастие за неблагодарность и равнодушие. Всякий раз, когда отец проводил время с Кристиной, она ревновала, считая, что сестре уделяется внимание, которого та не оценит и даже в нем не нуждается.

Дмитрий Игнатьевич

В воскресенье Дмитрий Игнатьевич весь день обдумывал детали плана. Записывать что-либо он опасался, а удержать все подробности в уме тоже не мог. Фрагменты общей картины не стыковались, этапы и отдельные действия путались, заводя Дмитрия Игнатьевича в тупик. К вечеру он выбился из сил: «Понято только, что нужна плюшевая игрушка. Остальное придется делать

наобум». Уловив запах мясного бульона и чеснока, Дмитрий Игнатьевич поплелся на кухню.

Дуня, какой-нибудь супец сваришь мне на завтра?

Я варю борщ на неделю, чётко доложила Лида.

Всю неделю борщ, значит, сокрушенно протянул Дмитрий Игнатьевич. Ладно. В термос налей потом, он постучал по крышке двухлитрового термоса из нержавейки.

В рабочие дни Дмитрий Игнатьевич любил обедать с мужиками из цеха в заводской столовой. Казенную кухню он не жаловал. Брал кое-что по случаю, конечно, но предпочитал домашнюю еду. Особенно любил вылить не спеша из термоса в тарелку еще теплый суп и прихлёбывать, поправляя свесившуюся с ложки капусту или лапшу ломтем белого хлеба. Вокруг рассказывали шоферские байки, шли политические расследования, отпускались солёные шуточки, и, время от времени, вспыхивали перепалки. Дмитрий Игнатьевич на правах ветерана в основном слушал и периодически осаживал особо ретивую молодежь крепким доходчивым словом. Из молодёжи правда остались только четверо. Одного из них прикрепили к Дмитрию Игнатьевичу помощником. Дмитрий Игнатьевич поначалу отнекивался, но видя, что отказаться не получается, попытался держать Геннадия на расстоянии. То домой его отправит пораньше, то найдёт ему занятие на посту, где сам в то время не работает, а то и вовсе снарядит парня за водкой или за пивом. Но Гена, несмотря на свои неполные семнадцать, выполнял все поручения без возражений, скрупулезно и быстро, а иногда даже с выдумкой. Постепенно Дмитрий Игнатьевич привык к существованию Гены, и они стали чаще работать вдвоем. А ещё через пару месяцев Дмитрий Игнатьевич начал учить Геннадия азам сварочного дела.

Утром в понедельник Дмитрий Игнатьевич долго собирался. Тянул до последней минуты, пока ещё можно было выйти из дома, не рискуя опоздать. «Как школьник перед контрольной, честное слово!» думал он, борясь со страхом перед местом нападения, через которое, хочешь не хочешь, придется пройти. Нарастающая тревога заставила Дмитрия Игнатьевича бросить в сумку блестящую, уже ополовиненную, упаковку валидола. Доехав до «Ручьёв», он торопливо пересек площадь, стараясь не смотреть на то самое злополучное место. В ларьке около здания станции, среди прочего барахла, продавались мягкие игрушки. Дмитрию Игнатьевичу приглянулась черная сова, но он решил,

что чем ярче, тем лучше, и купил оранжевого медведя с золотистой тесьмой на шее, тоже подходящего по размерам. На посту охраны, пока проверяли его документы и досматривали вещи, Дмитрий Игнатьевич хрустел целлофановым пакетом с игрушкой:

Вот, внучке купил, с довольной улыбкой сообщил он охранникам.

Красенков, куда ж вы с этим медведем в режимную зону? А, Дмитрий Игнатьевич? Купили бы после смены, охранник отвинтил крышку термоса Дмитрия Игнатьевича.

Так раскупили бы. Я ж у станции купил, там народу-то сколько! Дмитрий Игнатьевич продолжал внушать охранникам радость приобретения.

Вообще-то, не положено, охранник подвинул Дмитрию Игнатьевичу осмотренную сумку и скептически оглядел полуметрового медведя, лежащего на стойке.

Да в шкафчике у меня полежит. В раздевалке. У внучки день рождения на днях. Домой не хочу нести, раньше времени, ну, соврал Дмитрий Игнатьевич и пожал плечами.

В проходной уже выстроилась очередь. Второй охранник, давно знавший Дмитрия Игнатьевича, пожамкал медведя:

Ладно, Красенков, идите. Кстати, жене передайте моё почтение.

С чего это? удивился Дмитрий Игнатьевич и вздохнул: Да и померла она. Уж три года как.

Простите. Да борщ Ваш так пахнет, что до обеда точно вспоминать буду. Думал, вот…

Да ладно. Не, это дочь. У неё миллион рецептов, наверное.

Довольный разговором с охранниками Дмитрий Игнатьевич переоделся, запихнул медведя в шкафчик и отправился в цех. «Ишь ты, пощупал», думал он, на ходу надевая шерстяную вязаную шапку.

В цеху Дмитрий Игнатьевич окликнул Геннадия, который, прислонясь к колонне, в ожидании наставника, читал учебник по ручной дуговой сварке:

Гендос, давай-ка поймай погрузчик скажешь я просил, и мы двутавры, которые вдоль стены на улице валяются, сюда затащим. Сделаем стапеля прямо напротив ворот, под кран-балкой, Дмитрий Игнатьевич жестикулировал, обозначая очертания будущей конструкции. По длине должно хватить. И металлолом этот гемтрестовский не будем больше на посту резать. Прокат здесь, а остальное на улице. Чтобы не перегружать его сто раз туда-сюда, как на прошлой неделе. В четыре руки мы с тобой мигом паровоз на бутерброд порежем.

А начцеха не будет против? голос Геннадия исполнился сомнения.

Будет, но это не твоя забота. Ему гемтрестовские отстёгивают всяко больше, чем он нам. Поэтому лишняя работа нам ни к чему. Договоримся! Дмитрий Игнатьевич сделал останавливающий жест ладонью.

Странные они. Лом шаландами возят резать, а какие-то куски прям из конторы в фуру грузили.

Да пусть хоть… Постой, Генка, какие куски? насторожился Дмитрий Игнатьевич.

Ну, помните, в среду или в четверг они фуру пригнали за порезанным ломом? Длинную такую, Гена развел руки в стороны. Тягач был белый такой, американский, с плоской мордой. Там еще тётенька за рулем сидела.

Тётенька? Дмитрий Игнатьевич задумался и по привычке тёр бровь.

Ага. Вот такие кудри! Гена потряс руками у головы, будто держал невидимый шар.

Так и дальше-то чего?

А, ну, снабженцы газель бросили у нас тут, на углу, около цеха. Я курил, а в её зеркале весь цех было видно. Случайно увидел как фура около «Гемтреста» тормознула. Мужик вышел из офиса, походил и махнул кому-то. Сколько там

человек было я не разглядел, но они куски какого-то проката быстро погрузили и фура уехала.

Ты куришь много, Гендос! Давай, бегом за погрузчиком! А я в интсрументалку за новой горелкой.

Ага, щас, Дмитрий Игнатич, Гена убежал на улицу.

Как только конструкция, задуманная Дмитрием Игнатьевичем, была закончена, подъехал очередной грузовик с металлоломом. Дмитрий Игнатьевич распорядился выгрузить прокат в цеху, а несколько автомобильных кабин и остовов на улице. Механосборочный цех состоял из двух зданий с общей стеной. Одно из них было короче другого метров на пятнадцать. В двух местах, ближе к торцам, здания соединялись проездами. В коротком здании Дмитрий Игнатьевич и оборудовал временное рабочее место. Рядом, в продолжающейся части соседнего здания, находился конвейер по сборке изделия, номер которого Дмитрий Игнатьевич не помнил. Помещение было изолировано, так как процесс изготовления «колокольчиков», как было принято называть эти изделия, требовал очищенного воздуха и постоянной температуры. Работа на конвейере начиналась на час позже, но без выходных, а каждый понедельник после шестнадцати часов конвейер останавливался и проводилось санитарная обработка помещения. Из-за особенных климатических условий и требований к чистоте на заводе это место именовалось «банькой». Как выглядели сами «колокольчики» и какого их назначение никто толком не знал. Если же кого такие вопросы беспокоили, то существовала формула: «какая-то деталь какой-то ракеты». В доперестроечное время военные грузовики подъезжали прямо к воротам в выступающем торце здания, поэтому даже погрузку «колокольчиков» практически никто не видел. Сейчас же о том времени напоминала только обветшавшая пристройка у заваренных ворот с калиткой на замке, который едва ли открылся бы, даже если бы ключи от него не потерялись. Перед воротами в «баньке» складировали готовую продукцию. Дмитрий Игнатьевич это знал, потому что именно он ворота в свое время и заваривал. Теперь же «колокольчики» возили по пятницам в специальных деревянных ящиках через оба здания цеха в заводскую экспедицию. Куда они девались дальше – неизвестно. Рабочие уже не гордились ни продукцией, ни заводом, и жизнь перекроенного умирающего предприятия мало кого волновала.

Около половины пятого Дмитрий Игнатьевич в очередной раз отрегулировал горелку Геннадия:

– Давай, дорежь эти швеллера, а я пойду наружу займусь камазовскими рамами. Встань с этой стороны, – он поставил Гену между стеной и стапелем. «Так его меньше будет видно. А если кто спросит, станочники скажут, что тут работали. А кто работал? Ясное дело – я, кто ж ещё?» – Дмитрий Игнатьевич гордился, что придумал такой манёвр.

Срезать замок с калитки в «баньку» не представляло труда. Но Дмитрий Игнатьевич никак не мог унять дрожь в руках. Мысленно он десятки раз проделывал путь от ворот своего здания цеха до пристройки со стороны «баньки», но пережить заранее ощущение слежки со всех сторон, он не мог. Дмитрий Игнатьевич зажег горелку и, подложив лист асбеста под замок, перерезал дужку. Заменив срезанный замок новым, он смазал петли машинным маслом и, довольный собой, покатил тележку с баллонами к намеченному остову грузовика.

Чувствуя себя увереннее, непроизвольно Дмитрий Игнатьевич не переставал делить всё вокруг себя на то, что могло бы его защитиь и на то, что не могло. Вечером он спустился по искусно отделанной грубым камнем лестнице в полуподвал своего дома. Очарованный голубым неоновым светом вывески «Russian Arms», он смутно припомнил, как возмущался, в унисон с остальными жильцами, открытием оружейного магазина – «очередного свидетельства, – по их мнению, – вседозволенности и разгула преступности в городе». Понять, с каким вожделением смотрел Дмитрий Игнатьевич на ружья, винтовки, пистолеты и патроны с разноцветными гильзами за стеклянными дверцами шкафов до потолка и в прозрачных прилавках, смог бы разве что голодный, вдруг попав в Елисеевский магазин. «Это оружие никого не боится, – восхищался про себя Дмитрий Игнатьевич, – и я с ним никого не боялся бы. Или за ним? Или это мой страх заряжен в эти патроны? – отрезвляли его сомнения. – Что толку, будь у меня тогда, скажем, револьвер? Я ж его не успел бы… Да что там достать, подумать о нём не успел бы». Но, несмотря на противоречивость выводов, Дмитрий Игнатьевич стал приходить в магазин каждый вечер. «Зайду, гляну стволы ещё разок», – договаривался он сам с собой, чувствуя, как надёжное и мощное слово «ствол», пусть и на миг всего, поднимает самооценку и дарит иллюзию, что у него – Дмитрия Игнатьевича – могут быть равные шансы с бандитами «в случае чего». У него даже появился «любимчик». Но о том, чтобы приобрести понравившийся ствол не могло быть и речи, поэтому уже в четверг Дмитрий Игнатьевич кожей ощущал смесь подозрения и ненависти в косых уничижительных взглядах продавца.

В пятницу Дмитрий Игнатьевич пришел на работу рано утром. Переодеваясь, он принял несколько шариков валерьянки. В цеху еще никого не было. Да и окажись там кто случайно, вряд ли заподозрил бы неладное, глядя как Дмитрий Игнатьевич выкатывает на улицу тележку с баллонами. Через минуту он уже открывал замок, который повесил в понедельник. Руки не дрожали, но в коленях волнами появлялась слабость. Дмитрий Игнатьевич потянул за ручку. Дверь не шелохнулась. Дмитрий Игнатьевич упёрся в неё лбом: «Потянуть сильнее? Дёрнуть? А если уже пришел кто? Нет, это исключено, их строго по часам запускают. А потом там же стеклянный шлюз, никто ничего не услышит всё равно». Дмитрий Игнатьевич коротким движением дёрнул ручку и дверь нехотя поддалась.

– Чёрт! Чёрт! Какого… – удивлению Дмитрия Игнатьевича не было предела.

Не веря глазам, он ощупывал стену из серого шершавого пластика. Все ухищрения и труды оказались напрасными. В добавок Дмитрий Игнатьевич понял, что, скорее всего, никаких ящиков за стеной и вовсе нет. Не таскают же они их через стерильный цех. Значит, сейчас ящики накапливаются где-то со стороны внутренних ворот. Дмитрий Игнатьевич негромко, но продолжительно заматерился, закрыл дверь на замок и вернулся в цех. Чувствовал он себя не лучше, чем тогда в фургоне с заломанными руками. «И теперь что?» – злился он сам на себя.

– Дмитрий Игнатич, – голос Гены вернул Дмитрия Игнатьевича к действительности, – давайте вот эту трубу сразу порежем, а то она места занимает вон сколько – от ворот и в проезд залазит.

– Ага, давай… – Дмитрий Игнатьевич разглядел трубу, – но позже.

Он смотрел на трубу – диаметром сантиметров двадцать, ржавую и в лохмотьях чёрной изоляции – с умилением и лаской: «А на сегодня концерт ещё не окончен! Но действовать придётся по-ковбойски. Или, может, не сегодня? Надо ещё подумать… Нет, сегодня!».

И вот наконец, ближе к концу рабочего дня, Дмитрий Игнатьевич увидел, как вдалеке, в соседнем здании открылись внутренние ворота «баньки». В проезде показались охранник и разнорабочий, толкающие тележку с ящиками, в сопровождении инженера-технолога Татьяны. Она работала на заводе уже

несколько лет после института. Работа на производстве никак не мешала её женским пристрастиям: она то и дело меняла прически и по цехам бегала в узкой юбке до колен и в туфлях на высоком каблуке. А белый распахнутый халат действовал на мужчин как магнитное поле на железные опилки.

– Ну что, Ген, давай трубу, – подмигнул Дмитрий Игнатьевич, стараясь не выдать волнение и спешку.

Трубу застроповали «на удавку», но Дмитрий Игнатьевич нарочно сдвинул тросы так, чтобы передний конец поднятой трубы оказался бы ниже заднего. Выглянув в проезд и убедившись, что тележка с «колокольчиками» приближается, он дал команду Геннадию:

– Давай! Вира помалу!

Гена нажал кнопку на переносном пульте. Тельфер зажужжал, медленно поднимая трубу.

– Дмитрий Игнатич, чё-то её вперёд перекашивает! – забеспокоился Гена.

– Вперёд подай!

Гена нажал кнопку и балка крана поехала. Дмитрий Игнатьевич зашел Гене за спину и, почти обняв, взялся за пульт поверх его руки и нажал кнопку перемещения тельфера.

– Держи! Держи! Гена! Назад давай! Да, куда ж ты… – Дмитрий Игнатьевич кричал Гене в ухо, продолжая прижимать его пальцы к кнопкам.

– Дмитрий Игнатич! Рука! Рука! – от страха Гена напрягся, побелел и прыгал за пультом на негнущихся ногах.

Балка крана и тельфер, двигаясь одновременно, несли трубу навстречу тележке с ящиками. Дмитрий Игнатьевич вдруг почувствовал воодушевление и восторг. Ему захотелось рассмеяться. «Ну же! Ну!» – ожидание щекотало изнутри. Труба зацепилась передним концом за один из токарных станков и стала поворачиваться вправо пока не настигла процессию с «колокольчиками».

Охранник зычно матюгнулся и исчез за станиной ближайшего фрезерного станка. Разнорабочий отпрыгнул назад и присел. Татьяна завизжала и закрыла лицо ладошками. Труба сбила несколько ящиков и всей своей ржавой неотвратимостью навалилась на Татьяну и повалила в ящик с ветошью. Ещё через мгновение дело было сделано. Ящики упали на бетон, от удара открылись и «колокольчики» покатились в разные стороны, будто только и ждали, когда их освободят. Дмитрий Игнатьевич отпустил руку Геннадия.

– Твою ж мать, Гендос! – Дмитрий Игнатьевич пытался за напускным гневом спрятать ликование.

Но тут он увидел, что «колокольчики» в ящиках лежали не внавал, как ему представлялось, а в два слоя и каждый в отдельной круглой ячейке деревянной решётки-сепаратора. У Дмитрия Игнатьевича перехватило дыхание и зазвенело в ушах. Мысли остановились, словно загустели. «Ну что такое?! Неужели и так не получится?» – просившийся наружу смех превращался в рыдание.

Охранник, выскочив из своего убежища, метался в проходе между станками по другую сторону висящей под углом трубы и угрожал Гене и Дмитрию Игнатьевичу физической и административной расправой:

– Я вот доложу куда следует! Я вам сейчас таких наваляю! Вы у меня… – хруст ломающегося дерева под ногами заставил его замолчать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/alekseev_leonid/kanareyka

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити